

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 13, № 3

осень

2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 26

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука–Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **Вал.В. Полосин** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

«Ли цзи» («Записи о ритуале»). Главы 35–37.

Предисловие, перевод с китайского, комментарии **И.Б. Кейдун** **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

М.С. Пелевин. Хронограммы в ранней паштоязычной историографии **26**

Ю.А. Иоаннесян. А.Л.М. Николая в истории изучения бабизма **36**

С.Л. Невелева. О поэтике древнеиндийского эпоса «Махабхарата» **44**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Неопубликованный манихейский фрагмент из коллекции А.И. Кохановского **59**

А.Ф. Троцевич. Сведения о древнем «государстве» *Чин зук* 辰國 и владениях *Хан* 韓 в китайских исторических сочинениях (опыт анализа текста) **66**

И.С. Гуревич. Модальность как категория грамматики текста на материале китайских источников **91**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

О.В. Васильева. «... в Азиатский Музеум Императорской академии наук...»: Orientalia из библиотеки генерала П.К. Сухтелена в Институте восточных рукописей РАН **100**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.В. Кульганек. Заседание Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, посвященное памяти С.Г. Кляшторного (Санкт-Петербург, 8 февраля 2016 г.) **132**

Ю.А. Иоаннесян. Иранистическая конференция памяти О.Ф. Акимушкина (Санкт-Петербург, 17 февраля 2016 г.) **135**

Т.А. Пан. 1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 3–4 марта 2016 г.) **139**

М.М. Юнусов. Международная научная конференция памяти В.А. Якобсона «Евреи Европы и Ближнего Востока: традиции и современность. История, языки, литература» (Санкт-Петербург, 17 апреля 2016 г.) **149**

Т.В. Ермакова. Всероссийская конференция «Буддология в XX веке. К 150-летию академика Федора Ипполитовича Щербатского (19.09.1866–18.03.1942)» (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2016 г.) **151**

РЕЦЕНЗИИ

Esei Penghargaan kepada Professor Emeritus V.I. Braginsky. Mengharungi Laut Sastera Melayu (Festschrift in Honour of Professor Emeritus V.I. Braginsky) / Murtagh, Ben and Jelani, Harun, eds. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2013. — 700 с. (**Л.В. Горяева**) **156**

108 образов Будды. Исследование коллекции № 5942 из собрания Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН / Авт.-сост. Е.В. Иванова, А.Ф. Дубровин, отв. ред. И.А. Алимов. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 338 с. (**Ю.В. Болтач**) **162**

Буддийские ритуальные тексты: по тибетской рукописи XIII в. / Факсимиле рукописи; транслитерация А.В. Зорина при участии С.С. Сабруковой; пер. с тибетского, вступит. статья, примеч. и приложение А.В. Зорина. — М.: Наука — Вост. лит., 2015 (Памятники письменности Востока. CXLVI). — 241 с. (**Е.П. Островская**) **165**

IN MEMORIAM

Гуревич Изабелла Самойловна (1932–2016) (**Т.А. Пан, Э.С. Русинова**) **172**

На четвертой сторонке обложки: рукопись В 284 Диван, л. 52 v.

О поэтике древнеиндийского эпоса «Махабхарата»

С.Л. Невелева

Институт восточных рукописей РАН

Композиция и образные средства эпоса, его художественный язык содержат ряд особенностей. В силу длительного существования в устной традиции «Махабхарата» вобрала в себя переложения древних мифов, легенд, различные истории. Благодаря таким сюжетам течение рассказа о событиях эпоса прерывается разной глубины «крюками» и «воронками» времени в возврате к прошлому. Содержание эпических средств создания образа — по большей части формульных эпитета, сравнения и метафоры, как и содержание эпоса в целом, является *многослойным*. Оно несет в себе архаические, классико-героические и религиозно-философские идеи. Разрушение формульности и появление в «Махабхарате» так называемого *синтетического* сравнения указывают на воздействие литературного стиля.

Ключевые слова: древнеиндийский эпос, «Махабхарата», дхарма, сюжет, композиция, мотив, сравнение, эпитет, метафора.

Статья поступила в редакцию 16.04.2016.

Невелева Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, советник ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (s.neveleva@gmail.com).

© Невелева С.Л., 2016

Терминами «поэтика» и «художественный язык» объединяются все без исключения способы отображения действительности в эпическом памятнике, т.е. три основные его характеристики — содержание, композиция и средства изобразительности предстают как единое целое.

«Махабхарата» и «Рамаяна», классические эпосы древней Индии, занимают особое место в мировом культурно-историческом контексте, являясь источником для изучения религии, мифологии, философии, законов, обычаев, политических и социальных институтов. Серьезное влияние эпос оказал на становление литературного процесса не только Индийского субконтинента, но и сопредельных стран. Литература черпала и продолжает черпать из эпоса темы, идеи и образы, а энциклопедичность его содержания и ныне стимулирует развитие мировой индологии¹.

При некотором сходстве стилистики и композиции обоих индийских эпосов они обладают существенными различиями. «Махабхарата», эпос с религиозно-философской доминантой, окончательно сложившаяся приблизительно к III–IV вв. н.э., демонстрирует тесную связанность своего *многослойного* содержания с «этнографическим субстратом» (в терминологии В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова), который определял мировосприятие древнего социума на протяжении многих веков существования эпоса в устной традиции. В то же время содержание «Рамаяны» тяготеет к волшебной сказке,

¹ Современные проблемы изучения древнеиндийского эпоса получили подробнейшее освещение в исследовании Я.В. Василькова (Васильков 2010).

а ее система изобразительных средств несет черты литературного стиля *кавья* (Гринцер 2006: 691–731).

Длительный период бытования «Махабхараты» в *устной* традиции, начиная примерно с середины II тыс. до н.э., периода сложения героических песен, и до письменной фиксации текста в первые века нашей эры, включил в себя процесс так называемого «брахманского редактирования», которое имело место на путях паломничества к тиртхам, древним святыням. За этим длительным, сложным процессом стояла широкая, разветвленная сказительская традиция, в сложении которой принимали участие не только брахманы.

Основу сюжета «Махабхараты» составляет борьба за престол между двоюродными братьями — Пандавами и Кауравами, тогда как содержание этого памятника неизмеримо глубже. Длительность периода сложения индийского эпоса и обстоятельства бытования способствовали *многослойности* его содержания. Понятие «слой» Я.В. Васильков раскрывает образно, сравнивая его с археологическим *смешанным* культурным слоем, пласты которого располагаются не один над другим, а попеременно (Васильков 2010: 35). Этот образ применительно к эпосу подчеркивает тесное переплетение в его содержании древнейших идей и зрелой эпики. В эпическом тексте присутствуют реликты архаических обрядов (таких, как полиандрия, левират) и в то же время сложившиеся индуистские представления о карме, мокше, сансаре и т.п. В своем исследовании «Миф, ритуал и история в Махабхарате» (2010) Я.В. Васильков обосновал строгую научную концепцию, уточняющую историческую типологию содержания «Махабхараты», в котором синтезированы архаика, классическая героика и поздние религиозно-философские доктрины (см. также: Vassilkov 1995: 249–255).

Поэтика традиционного, устного в своих истоках индийского эпоса в целом ряде отношений обнаруживает общность с памятниками мировой традиции Древности (Елизаренкова, Топоров 1979: 36–88). Так, песенная импровизационная основа исполнения под аккомпанемент простого струнного инструмента предоставляла сказителю готовые ритмические схемы для тем и образов, хранящихся в его памяти. Сказительское искусство передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну, причем дар сказителя воспринимался как чудо, ниспосланное свыше².

В *композиции* «Махабхараты» зафиксированы ее представления о пространстве и времени. *Пространственные* координаты эпоса соответствуют доминирующей в его мировоззрении троичной схеме Вселенной: земля — небо — подземный мир. События основного сюжета происходят преимущественно на земле, причем в конкретных географических точках, что делает «Махабхарату» важным источником для изучения реальной географии субконтинента. Небесный и подземные миры, куда изредка перемещается действие, представляют интерес прежде всего как мифологические конструкции, во многом повторяющие структуру человеческого мира. Событийное *время* центрального сюжета «Махабхараты» линейно и охватывает целиком всю жизнь героев и их антагонистов — от чудесного рождения и до конечного восхождения на небо. Метафора всеобщего примирения содержит важную для эпоса, особую религиозную тему.

Особенностью композиции «Махабхараты» является обилие «вставных» фабульных повествований, которые занимают более половины ее объема, причем их сюжеты не связаны напрямую с основным действием. Примером такого сюжета является всемирно известная история Наля и Дамаянти в книге «Лесной» (Махабхарата 1987: 119–169). Эпические переложения мифов, преданий часто имеют параллели в других

² Об особенностях сложения традиционного эпического текста см. (Гринцер 1974; Лорд 1994; Мелетинский 2004; Путилов 1997).

памятниках древнеиндийской словесности. В связи с большим количеством инкорпораций в тексте эпоса учеными «аналитической школы» предпринимались безуспешные попытки отделить «героическое ядро» эпоса от последующих наслоений³. «Вставные» эпизоды — будь то рассказ о прошлых событиях эпоса, предания о давно минувшем или вневременное действие мифа — обуславливают появление в тексте «крюков» времени. В связи с родословной героев можно говорить о «воронках» времени. К будущему обращаются в своих пророчествах риши: эти пророчества носят индивидуальный характер, когда мудрец предсказывает победу герою, или же вселенский, когда речь идет о мировых периодах, югах, и наступлении последней из юг — Калиюги, которая завершается пришествием мессии-воина, возрождающего мировой порядок после всемирной катастрофы-*прали* (Невелева 1987: 97–129).

Целью «вводных» историй является, согласно В. Пизани, заполнение «временных зияний», «растянутого времени», когда основной сюжет приостанавливается (Pisani 1934: 166–176). Например, в книге III, «Лесной», герои 13 лет находятся в изгнании, и время их заполнено паломничеством по лесным святыням и беседами с мудрецами-риши. В «Шантипарве» (книге XII), или «Книге об умиротворении», и в «Анушасанапарве» (XIII), «Книге наставлений», эпическое действие практически отсутствует: эти книги содержат адресованное царю Юдхистхире поучение Бхишмы, героя старшего поколения, который лежит на смертном одре; в силу своей высочайшей праведности он обрел право назначить себе время кончины. Идеи и стиль «вставных» повествовательных эпизодов не слишком сходны с идеями и стилем рассказа о главных событиях эпоса, причем именно в этих эпизодах можно обнаружить воздействие традиционной *литературы* — художественной, философской, законодательной и т.д. Появление «вводных» текстов диктуется определенной целью — проиллюстрировать, уточнить, расширить смысловое поле того или иного сюжета. Так, мудрец-риши рассказывает «Сказание о Нале» в утешение героям, которые, как и Наль, лишились своего царства и оказались в изгнании⁴. Сама рамочная конструкция такого сюжетного ввода, ставшая с течением времени формальным приемом, благодаря индийской повествовательной литературе проникла на Ближний Восток и в Европу (Гринцер 1982: 3–20).

На сходство сюжетов и мотивов мировых памятников эпоса обращали внимание ученые прошлого. Так, В.М. Жирмунский на широком сопоставительном материале рассмотрел мотивы необычного рождения героя, его героического детства и первых подвигов, обретения оружия, побратимства, героического сватовства и т.д. (Жирмунский 1962). Эпические мотивы группируются вокруг важнейших вех жизненного пути героя, так что эти исходные слагаемые сюжета располагаются по принципу их последовательного «хронологического сцепления»: к основному мотиву, будь то чудесное рождение персонажа, героическое сватовство, похищение или оскорбление жены героя, «подверстываются» в строгом логическом порядке связанные с ним дополнительные мотивы. В композиции «Махабхараты», как подчеркнуто П.А. Гринцером, структурирующую роль играет не мотив похищения жены героя, как в других эпосах (в том числе и в «Рамаяне»), а ее оскорбление. Такова сцена в Собрании воинов-кшатриев, куда силой приводят царскую жену Драупади⁵.

³ Историю изучения «Махабхараты» см., в частности, (Невелева 1991: 3–97; Васильков 2010: 5–41).

⁴ О творчестве эпических риши см. (Невелева 2008а: 277–294; 2008б: 329–351). О ведийских риши см. (Елизаренкова 1993).

⁵ О содержании и структуре «Сабхапарвы» см. (Махабхарата 1962; Buitenen 1972: 68–84). Об истоках сюжета «Драупади в Собрании» см. (Vassilkov 1990: 387–398).

Особой чертой мировоззрения, отличающей эпос древней Индии, является его внимание к проблемам этики. Однако некоторые поступки героев иногда весьма противоречивы: так, в решающем поединке герой Арджуна, не зная о том, что Карна — его старший брат, вероломно убивает его, когда тот не может сражаться: его колесница увязла в трещине земли. Эпос пытается оправдать подобные поступки героев Пандавов тем, что на их стороне закон-*дхарма* и своими действиями они приближают ее торжество. Главным религиозным принципам индуизма посвящена знаменитая «Бхагавадгита», которую излагает Арджуне перед началом битвы бог-герой Кришна: для человека важнее всего исполнять свой долг, а когда речь идет о битве — воинский, не думая об обретении каких-либо благ.

Наряду с «классическим» подходом к изучению исторической типологии эпических мотивов, который ведет свое начало от А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского, существует структурно-типологическая теория, выдвинутая в 70-е годы XX в. российским исследователем Б.Н. Путиловым (Путилов 1975: 141–155). Эта теория представляется весьма плодотворной при анализе композиции «Махабхараты» (Невелева 1991: 147–202). Согласно этой концепции, эпический сюжет развивается через серии типовых мотивов, среди которых структурообразующими являются три: мотив-*ситуация*, мотив-*речь* и мотив-*действие*. В любом эпосе отмечаются и краткие, и развернутые формы этих мотивов.

Мотив-*ситуация* включает общую характеристику персонажей, осуществляемую путем использования традиционных эпитетов, сравнений и метафор⁶; действующие лица вводятся в повествование, описываются отношения между ними, определяется место и иногда — время действия. В изображении персонажей присутствуют как типовые черты (например, для героя — его воинские достоинства), так и те, которые свойственны героическому персонажу исключительно индийского эпоса (мудрость, верность дхарме, праведность и т.д.).

Соответствуя статической фазе сюжета, мотив-*речь* имеет особое значение для «Махабхараты»: так, в книгах III, XII и XIII мотив-*речь* полностью вытесняет динамику действия. В «Махабхарате», как и в любом эпосе, имеются ситуационные, т.е. краткие формы речи, такие как приказ, совет, известие и т.д., но отличает ее обилие развернутых, структурно оформленных видов речевых коммуникаций. Их «субстратные» корни наиболее очевидны тогда, когда партнером героя выступает персонаж мифологический — бог или святой мудрец-риши. Согласно ролевому распределению участников, в «Махабхарате» можно выделить три вида таких словесных контактов: это, во-первых, беседа, когда один из участников (обычно — царь) задает вопросы или подает реплики, тем самым направляя ход беседы; во-вторых, диалог, который подразумевает равноправное участие сторон, и, в-третьих, монолог-гимн, посвященный индуистским богам, выступающим нередко как персонажи эпоса (Невелева 1991: 157–176; 2010: 151–172).

Содержание этих коммуникаций, как и остальной текст «Махабхараты», также является *многослойным*: здесь можно обнаружить и элементы архаики, и черты классической героики, и построения зрелого индуизма. Реконструкция «субстратных» начал этих видов речевого общения показывает, что беседа царя и мудреца-риши — характерный жанр древнеиндийской словесности — носит черты религиозного посвящения; в диалоге с хтоническим партнером, происходящем под угрозой смерти, просматриваются следы архаической инициации; гимн, понимаемый как подношение богу, обращает ассоциации к древнейшему внеэкономическому обмену между двумя сторонами социума, построенного по дуальной модели (Невелева 1988: 128–160).

⁶ Подробно о мотиве-*описание* см. (Невелева 2014: 60–76).

Масштабное воплощение мотива-*действие* — великая всеиндийская битва на Курукшетре, Поле Куру, Поле дхармы. Вопрос об историчности событий «Махабхараты» был (и остается) предметом дискуссий. Тем не менее Я.В. Васильков убедительно показывает, что за этой битвой стоит не единичное событие, а долговременное этнокультурное противостояние между Мадхьядешей, Срединной землей, родиной эпоса, которая располагалась в Ямуно-Гангской долине, и «варварской» периферией Северо-Запада, Юга и Востока⁷.

Особенности композиции «Махабхараты» отчетливо выражает типовой мотив-*перемещение*, который, уже по причине обилия в ней «паломнических» текстов, никак не является просто «связкой». Особую ценность придают эпосу обширные паломнические путеводители по тиртхам, святым местам, многие из них почитаются и теперь (Васильков 2011: 157–197; Дандекар 2002: 172–194; Vassilkov 2002: 133–158). Эпические персонажи передвигаются не только по земле, основному месту действия, но также и по космической вертикали: таковы появление бога Индры перед героем Карной в книге «Лесной» (Махабхарата 1987: 586–588), восхождение героя Арджуны на небо Индры и его нисхождение в подземный мир (Там же: 105–118), а также видение Юдхиштхиры о том, как он попадает в ад (Махабхарата 2005: 106–111); в той же, последней книге эпоса описывается вознесение и героев, и антигероев на небеса (Там же: 111–113).

Серьезный поворот в исследовании «Махабхараты» связан с утверждением теории формульности. М. Пэрри (30-е годы XX в.) предложил рассматривать в качестве формул все типы лексических повторов, занимающих определенное место в стихе. А.Б. Лорд, развивший ряд положений М. Пэрри, в частности, уточнил определение темы, рассматривая ее как повторяющийся элемент повествования или описания (Лорд 1994). Одним из важнейших свидетельств устного происхождения эпоса считается формульность его **стиля**; в то же время разрушение формулы, как это часто происходит в «Рамаяне», говорит о влиянии стиля *литературного* (Гринцер 2006: 691–731). Аналогичное явление наблюдается и в «Махабхарате» (Невелева 2011: 20–40).

Поэтика отдельного приема изобразительности есть отражение как общих, так и особенных черт поэтики жанра. Согласно данным исторической типологии, не только содержание древнеиндийского эпоса, но и каждый элемент его формы является *многослойным*. Историко-типологическая стратификация содержания «Махабхараты», представленная Я.В. Васильковым, предполагает также и «расслоение ее художественной системы» (Васильков 2010: 36).

Эпитеты и сравнения, широко представленные в мировом эпосе, следует отнести к основным единицам системы изобразительных средств, формирующих эпические образы. К числу основных элементов поэтической техники «Махабхараты» принадлежат традиционные эпитет, сравнение и метафора, содержание которых имеет прямое отношение к семантике эпических образов, что позволяет сделать определенные выводы относительно одной из важнейших сторон идеологии памятника — его этических и эстетических установлений (Невелева 1979; 1991: 98–146; Vassilkov 2009: 107–119). Исследование стилистики древнеиндийского эпоса способствует выявлению типологических соответствий между «Махабхаратой» и эпосом других народов, а также установлению своеобразия ее поэтики.

Стилистическая функция *эпитета* состоит в экспрессии, выразительности признака, который подчеркивает самые существенные свойства «предмета». Сходство ха-

рактических, а точнее «равенство достоинств» борющихся между собой соперников, является специфической чертой мировосприятия индийского эпоса (Гринцер 1974: 26, 37, 38, 46; Невелева 1979: 34, 35; Васильков 2010: 17). Выраженные *постоянными* эпитетами, такие традиционные достоинства героя-воина, как могущество, отвага, стремительность, непобедимость и т.п., сочетаются в индийском эпосе с мудростью, знанием дхармы, верностью обетам, правдоречивостью, смирением и т.д. Высокие качества воина подчеркивают эпитеты, имеющие параллели в памятниках мирового эпоса. «Могучий» (balin, balavat, prabhu), «отважный», «герой» (śūra, vīra), «воистину отважный» (satyavikrama), «грозноотважный» (bhīmavikrama, bhīmaparākrāma), «славный» (śrīmān, yaśasvin), «многославный» (mahāyaśas), «непобедимый» (ajita, anādhṛṣya, durāsada, aparājita), «быстрый» (mahāvega, mahājāva, tarasvin), «неистовый» (amarṣaṇa) — таковы характеристики эпических героев, причем, и это стоит еще раз подчеркнуть, свойственные представителям обоих соперничающих станом.

Вместе с тем воин «Махабхараты» «мудр» (prañña, medhavin, dhīmān, vidvān, mahāmāti), он «знаток и блюститель дхармы», что означает «добродетелен, справедлив, верен долгу» (dharmañña, dharmavid, dharmacārin, dharmasīla), «верен (великому) обету» (sanśitavrata, dhṛtavrata, mahāvraṭa, suvraṭa), «велик (безмерен) духом» (mahātman, amītātman, ameyātman), «скромен, сдержан, смирен» (dānta, vaśin, sāntātman), «честен, правдоречив» (satya, satyavādin), «искусен в беседе» (vāgmin), «чист, безгрешен» (śuci, akalmaṣa, pavitra), «милосерден» (śaraṇya, dayāvan), «велик (грозен) в подвижничестве» (mahātapaṣ, ugratapaṣ, tīvratapaṣ), «пылает подвижничеством» (dīptatapaṣ). Именно эта группа характеристик отражает особенности морально-этической оценки эпического героя-воина, главного для «Махабхараты» образа.

Двойственным характером определений персонажа, среди которых, с одной стороны, воинские достоинства (мужество, отвага, мощь, слава), с другой — черты, с героикой не связанные (мудрость, благочестие, искусность в беседе и т.д.), подтверждается многомерность содержания «Махабхараты», объединяющего героический и религиозно-философский уровни. Отсутствие резкого противопоставления мира людей мирам богов и демонов — столь же уникальная черта эпического мировосприятия — дополнительно иллюстрируется сходством их описания: небожители и даже демоны могут быть, подобно земным героям, могучими, отважными, мудрыми и т.д.

Важнейшей особенностью, также отличающей эпитеты «Махабхараты» от используемых в эпических памятниках мировой традиции, является связь их содержания с мифологией⁸. В этом отношении показательны *цветовые* эпитеты (Невелева 1979: 10–13). В «Повести о Раме» (Махабхарата 1987: 518–553) «белый» (śveta) — цвет зонта и венка одного из сподвижников Рамы, а также название священной горы — противопоставлен красному (lohita, rakta), цвету атрибутов соперника героя, демона Раваны (венки, мазь на теле). Это противопоставление выходит за рамки оппозиции «добро–зло», расширяясь до оппозиции «жизнь–смерть»: Раване суждено погибнуть от рук Рамы, освободившего похищенную тем свою супругу Ситу. Как знак трагического наряду с красным цветом выступает нагота: Равана — «обритый наголо» (vikāsa), его спутники «нагие» (nagnāḥ), «с выпавшими волосами» (patitamūrdhajāḥ). В этом же ряду стоит постоянный эпитет яростного брахмана Дурвасаса, инкарнации Шивы, — «одетый в стороны света» (digvāsa), т.е. «обнаженный». В случае, когда Кауравы в Собрании пытаются обнажить Драупади во время ее нечистоты, сочетание «нагое» — «красное» также имплицитно соответствует цветовой символике трагического наполнения, тем более что гибель Кауравов мотивируется в эпосе именно тем, что они подвергли унижению супругу Пандавов.

⁸ Данные о мифологии «Махабхараты» см. (Васильков 2010: 42–95; Невелева 1975; 2014а: 100–113).

Цвет Кришны как бога Вселенной изменяется соответственно космическим периодам: белый (*śveta*) соответствует Критаюге, желтый (*pīta*) — Третаюге, красный (*rakta*) — Двапараюге, а черный (*kṛṣṇa*) — Калиюге. Эти изменения отражают связь цветовой символики с этико-мифологическими критериями: белый цвет ассоциируется с Золотым веком, когда дхарма всеильна, желтый — с периодом, когда закон ущербен на четверть, красный — с тем временем, когда дхарма иссякла наполовину, а черный цвет символизирует тот космический период, когда торжествует зло в канун гибели Вселенной⁹.

Красный цвет может быть реальной цветовой характеристикой: «красный» (*rakta*) — об уголке глаза, «красно-коричневый» (*arūṇa*) — о горных склонах, «ярко-медный» (*atītāma*) — о пасти змея. И все же это цветовое определение чаще всего осложнено мифологизмом. Важное место занимает красный цвет в мифологии Сканды, бога войны. Кровавое пламя конца света, солнце, взошедшее среди алых туч, солнце на восходе, пылающее солнце, кроваво-красный океан — таковы образы, используемые в описании Сканды. Здесь прослеживается также связь определения «золотой» (*hiraṇya*) с красным цветом: бог — «златоокий» (*hiraṇyākṣa*), «златокожий» (*hiraṇyavarṇa*), на нем пурпурное одеяние (*lohītāmbara*), на голове — «золотая тиара» (*hiraṇyacūḍāmukuta*), у него — «золотой панцирь и венок» (*hiraṇyakavacaśaj*). О Сканде говорится: «одетый в красные одежды, в красном венке и убранстве», «с красным ртом... в золотых доспехах» (*lohītāmbarasamvīto lohitasragvibhūṣaṇaḥ lohītāśyo... hiraṇyakavacaḥ*). Основная характеристика атрибутов Сканды *lohita* означает даже не просто «красный», но «кроваво-красный». «Цвет войны» насквозь пронизывает описание этого мифологического образа.

Эпитет «черный» (*kṛṣṇa*, *śyāma*, *nīla*) нередко получает эмоционально-мифологическое освещение: таково одеяние Ситы, томящейся в плену у Раваны, окраска птицы — знамения беды, рот Ямы, бога смерти, бедра бога Огня, сине-черная шея бога Шивы¹⁰. Черный цвет в этих случаях связан с чувством страха, ощущением угрозы. Между тем черный цвет Огня соответствует зрительному восприятию «черного» как «сгоревшего», хотя и в этом случае нельзя полностью исключить ассоциацию «черного» с огнем как источником опасности.

Иногда «черное» понимается как «красивое»: темнокожие красавицы служанки Юдхиштиры — один из атрибутов утраченного им величия; Кришна (Черный) — одно из имен Арджуны, данное ему в детстве, согласно позднему толкованию, за красоту; красота Драупади (другое ее имя — Кришна) постоянно подчеркивается в эпосе. Однако в понимании имен бога-героя Кришны и Драупади эстетический критерий отнюдь не является важнейшим.

Определения, содержащие указание на материал: «золотой», «железный», «шелковый», — соответствуют реальной вещи признака: «железное» (*āyasa*) — оружие демонов; «сделанная из железа» (*ayasmaṇa*), «целиком из железа» (*sarvāyasī*), «целиком из дамасской стали» (*sarvaśaikyaśasī*) — палица; «созданная из сока камня», т.е. из железа (*adrisāgamaya*), — стрела; «шелковое» (*kaūśeya*, *kaūśika*) — одеяние Вишну, одежда Драупади. И все же нельзя игнорировать дополнительный, идеализирующий характер этих характеристик: «железное» как мощное, «шелковое» как красивое.

Иными словами, содержание рассмотренных эпитетов осложнено разного рода связями с идеологией эпоса, с его мифологическим, этическим, эстетическим и эмоциональным уровнями.

⁹ Подробное описание юг см., например, (Махабхарата 1987: 302–304, 382–394; Невелева 1987: 97–129).

¹⁰ Когда Шива выпил смертельный яд, появившийся из Молочного океана при пахтании его богами и демонами, шея бога посинела, поэтому он зовется Синешеим.

Мифологическим *сравнениям* героического слоя эпического содержания, слоя, стадияльно и типологически предшествующего религиозно-философской дидактике, свойствен исключительный *консерватизм*, который способствует сохранению в сравнениях весьма древних идей. Подавляющее большинство таких сравнений индийского эпоса представляет собой один из самых ранних художественных приемов словесности, не представленных в древнеевропейской традиции, однако широко используемых, как подчеркивает Я.В. Васильков, в «Махабхарате», что увеличивает значение исследования ее поэтики¹¹. «Батальные» сравнения «Махабхараты» содержат в свернутом виде сюжет основного мифа; для Индии — это миф о победе Индры над Вритрой. Индра не входит в число крупнейших богов индийского эпоса, однако является одним из самых важных, наряду с Агни, в древнейшей мифологии «Ригведы»¹². Хотя Индра в послеведийской традиции утрачивает свою значительную роль, эпические сравнения широко апеллируют к ригведийскому мифу.

Центральное действие «Махабхараты» — восемнадцатидневная битва племен и народов субконтинента — уподобляется битве богов с демонами-асурами: Кауравы и Пандавы истребляют друг друга — «так некогда бились асуры с первыми среди богов»; грозная битва «подобна битве богов и асуров». Сражающийся с недругами герой сравнивается с богом Индрой, который бьется с наступающей ратью асуров, а оружие воина — с ваджрой, оружием этого бога. Однако достойным противником героя¹³ может быть также предводитель демонов Вритра (или его «дублиеры» — демоны Шамбара, Намучи, Бала и т.п.). В сравнениях «Махабхараты» сохраняется память об асурах как старших братьях богов, что придает батальным сравнениям эпоса дополнительный оттенок: старшие братья Кауравы, которые ассоциируются с демонской «фратрией», борются против младших — Пандавов, сыновей богов и их частичных воплощений. В более поздних индуистских мифах о демоноборчестве Вишну, Шивы и Сканды лишь варьируется содержание основного мифа — о битве Индры и Вритры или же о космической битве богов и асуров.

Отдельную группу составляют сравнения, образная часть которых связана с мифологией позднего, религиозно-философского слоя эпического содержания — с концепцией мировых периодов, когда с наступлением конца юга (*yugānte*, *yugakṣāye*) погибает Вселенная: воин в ярости подобен грозному пламени конца юги, палящему солнцу конца юги и т.п. Такие «эсхатологические» сравнения несут исключительно художественную нагрузку, оттеняя фаталистический смысл происходящего, что свойственно мировоззрению далеких от архаики классических форм героического эпоса¹⁴.

Характерной чертой метафоры «Махабхараты»¹⁵ является преодоление мифологического тождества ее компонентов, которое было определяющим для метафоры «Ригведы». Традиционная для эпоса метафора-бином включает в себя и «означающее», и «означающее», т.е. субъект и объект уподобления; такая метафора формульна, т.е. занимает определенное место в стихе. Едва ли возможно говорить о времени

¹¹ О сравнениях «Махабхараты» см. (Невелева 1979: 37–115; 1991: 110–123; Васильков, Невелева 1988: 152–175; Vassilkov 2001: 13–31).

¹² О ригведийской мифологии см. (Ригведа 1989: 493–506).

¹³ Представление о «равенстве достоинств» сражающихся воинов — как героев, так и их противников — стирается с утверждением дхармы как универсального закона, и преимущество отдается тем, на чьей стороне дхарма.

¹⁴ Вывод о чисто художественной функции «эсхатологических» сравнений обоснован Я.В. Васильковым, см. (Васильков, Невелева 1988: 152–175). Об эпической эсхатологии как о метафоре сюжета «Махабхараты» см. (Hiltebeitel 1976: 312).

¹⁵ Подробно о метафоре в «Махабхарате» см. (Невелева 1991: 124–146; 2011: 20–40).

возникновения того или иного типа метафоры в древнеиндийском эпосе с его синтезом «эпики» и «дидактики». С большей или меньшей степенью достоверности можно, по-видимому, судить о древности содержания этого приема и общей тенденции его развития. Показателем укорененности этого приема в тексте выступает его связь с другими компонентами эпической поэтики — сравнением, эпитетом, синонимией и звукописью (Невелева 1987: 97–129).

К одной из самых ранних по содержанию следует, очевидно, отнести «животную» метафору-бином, уподобляющую воина *быку* (*ṛṣabha, puṅgava*). Такая метафора мифологического происхождения встречается в древнейших традициях словесности. По той же самой модели строятся выражения, сопоставляющие героя с *тигром* (*vyāghra, śārdūla*) или со *львом* (*siṅha, kuṅjara*). При этом уподобление воина дикому животному далеко от отождествления: между субъектом и объектом здесь просматривается отчетливый зазор. По-видимому, не менее древним является содержание метафоры, использующей имя *Индры*: она несет в себе идею «вождества», «главенства», первенства, соответствующую представлению об Индре как о царе богов в древней мифологии: «Индрой людей» называют царя, «Индрой богов» — царя над богами, «Индрой асуров» — предводителя демонов-асуров, «Индрой гор» — Гималаи, царя гор.

«Метафора смерти» представлена в эпосе как в мифологическом, так и в религиозно-философском аспекте. Ее смысл передается многочисленными синонимами, что немаловажно и для стиля текста, который избегает слова «умирать». Существует большое разнообразие способов выражения этого понятия. Наряду с мифологическими образами бога Ямы и Мритью, воплощенной Смерти («отправиться в обиталище Ямы», «угодить в пасть Смерти», т.е. погибнуть), в «Махабхарате» используется понятие движения, «образ пути»: «удалиться на небо», «отправиться гостем к Индре», «ступить на высочайший путь». Следующими выражениями зафиксирован ряд религиозно-философских идей: «отринуть тело», «соединиться с Атманом», «растаться с пранами» (т.е. жизненными дыханиями), «распасться на пять великих элементов». По сравнению с «животной» и «Индровой» метафорой такие в основном неформульные конструкции, судя по заключенным в них идеям, являются типологически более поздними.

Центральное действие «Махабхараты» — восемнадцатидневная битва племен и народов субконтинента — трактуется с помощью «ритуальной» метафоры как жертвоприношение, которое обеспечивает воину-кшатрию путь на небеса. Метафорический смысл мифологемы «битва-жертвоприношение» (*gaṇayajña, śastrayajña*) проясняется, если помнить, что «фоном эпического действия и прежде всего — эпической битвы служил агонистический ритуал разных видов» (Васильков 2010: 252, 270–289). Иногда поединок сопоставляется с ритуалом агонистического приема гостя. Соперник героя, представляясь «гостем», вызывает «хозяина» выйти, как тому подобает, на бой (Махабхарата 1990: 45) — такова практика «божественного гостеприимства», если в поединке сходятся воины-кшатрии. Соперничество брахманов получает свое выражение в словесном состязании — агоне (Васильков 2010: 108–109). Ритуальная игра в кости, которая представляет собой обрядовый агон, описывается как битва¹⁶. «Если не желаешь ты (сыграть) в эту игру, то пусть состоится игра-битва, и в колесничном бою либо ты примешь смерть, либо я» (Махабхарата 1987: 165) — так вызывает один соперник другого на поединок; о стрелах говорится как о броске играль-ных костей, о луке — как ящичке для них, о колеснице — как об игровой доске (Махабхарата 1990: 183).

¹⁶ О ритуале битвы см. (Васильков 2010: 251–290; Hildebeitel 1976).

Особого рода стилистическая конструкция, которая состоит из цепочек метафор-биномов, определяется как *синтетическое* сравнение; точнее было бы сказать, что это синтетическая метафора, особенно широко представленная в «Рамаяне» (Гринцер 1974: 344–347)¹⁷. Последовательное сопоставление отдельных фрагментов изображаемой картины путем нанизывания двухсоставных образований способствует созданию ее двойного видения. Фигура эпического воина или поле битвы — главные темы эпической метафоры — сопоставляются в этом случае с грозными явлениями природы, имеющими явный эсхатологический оттенок. Например, герой Карна на поле брани — это огонь, стрелы его — языки пламени, удары тетивы — треск, пыль над ратным полем — дым, оружие — жар; раздуваемый ветром-Дурьодханой, он, подобно огню конца мирового периода, юги, исторгнутому Калой-Временем, губит сушняк — неприятельскую рать. И далее: Кришной-ветром гонимая туча-Арджуна с журавлями — белыми конями, с (луком)-Гандивой, сверкающим подобно луку Индры, способна погасить потоками стрел огонь-Карну (Махабхарата 1987: 203). В других случаях также указывается на один из «образов пралаи» (М. Бьярдо) — палящее солнце: Арджуна, солнце конца юги, пронзающими лучами-стрелами осушил неиссушимый океан поклявшихся убить его воинов (Махабхарата 1990: 46); недруги не в силах смотреть на Арджуну, пылом подобного солнцу конца юги, стрелы которого — это лучи, а диск — лук-Гандива (Там же: 198). Как и эпическая эсхатология в целом, представляющая собой не основу сюжета «Махабхараты», а художественный фон ее событий, такие неформульные синтетические образования принадлежат, очевидно, к позднему явлению метафорического стиля, тяготеющего к литературному.

Анализ древнеиндийской эпической метафоры показывает, что этот прием образительности, подобно другим, как и само содержание «Махабхараты», отмечен *многослойностью*. Вписанная в повествовательный ряд эпоса, метафора сохраняет память о мифе и ритуальных установлениях глубокой древности, но при этом утрачивает сравнимую с отождествлением слитность входящих в ее состав образов. В этом и заключается ее «переходный» к литературному художественному приему характер.

Сокращения

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы
ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Литература

- Васильков 2010 — *Васильков Я.В.* Миф, ритуал и история в Махабхарате. СПб.: Европейский дом, 2010.
- Васильков 2011 — *Васильков Я.В.* «Махабхарата» и индийская практика паломничества в свете новых эпиграфических данных // Зографский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 157–197.
- Васильков, Невелева 1988 — *Васильков Я.В., Невелева С.Л.* Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги «Махабхараты») // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 152–175.
- Гринцер 1974 — *Гринцер П.А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука; ГРВЛ, 1974.

¹⁷ О синтетических сравнениях «Махабхараты» см. (Васильков 2010: 272–278; Невелева 1991: 111, 112).

- Гринцер 2006 — *Гринцер П.А.* «Первая поэма» древней Индии // Рамайна. Книга первая. Балаканд («Книга о детстве»). Книга вторая. Айодхьяканд («Книга об Айодхье») / Изд. подгот. П.А. Гринцер. М.: Ладомир; Наука, 2006. С. 691–731.
- Гринцер 1982 — *Гринцер П.А.* Санскритская обрамленная повесть // Индийская средневековая повествовательная проза. М.: Художественная литература, 1982. С. 3–20.
- Дандекар 2002 — *Дандекар Р.Н.* Махабхарата: ее происхождение и развитие // От Вед к индуизму. Эволюционирующая мифология. М.: Наука; Восточная литература, 2002. С. 172–194.
- Елизаренкова 1993 — *Елизаренкова Т.Я.* Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука; Восточная литература, 1993.
- Елизаренкова, Топоров 1979 — *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука; ГРВЛ, 1979. С. 36–88.
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.; Л., 1962.
- Лорд 1994 — *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послесловие Б.Н. Путилова. М.: Наука; Восточная литература, 1994.
- Махабхарата 1962 — Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва, или Книга о Собрании / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.; Л.: Наука, 1962 (Литературные памятники).
- Махабхарата 1987 — Махабхарата. Книга третья. Араньякапарва (Лесная) / Пер. с санскр., предисл., коммент. и толк. словари Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука; ГРВЛ, 1987 (Памятники письменности Востока. LXXX).
- Махабхарата 1990 — Махабхарата. Книга восьмая. Карнапарва (О Карне) / Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука; ГРВЛ, 1990 (Памятники письменности Востока. XCI).
- Махабхарата 2005 — Махабхарата. Заключительные книги. XV–XVIII / Пер. с санскр., коммент. и статьи / Изд. подгот. С.Л. Невелева и Я.В. Васильков. СПб.: Наука, 2005 (Литературные памятники).
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М.: Наука; Восточная литература, 2004.
- Невелева 1975 — *Невелева С.Л.* Мифология древнеиндийского эпоса. Пантеон. М.: Наука; ГРВЛ, 1975.
- Невелева 1979 — *Невелева С.Л.* Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М.: Наука; ГРВЛ, 1979.
- Невелева 1987 — *Невелева С.Л.* Контекстные связи эпической шлоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука; ГРВЛ, 1987. С. 97–129.
- Невелева 1988 — *Невелева С.Л.* О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. С. 128–160.
- Невелева 1991 — *Невелева С.Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М.: Наука; ГРВЛ, 1991.
- Невелева 2008a — *Невелева С.Л.* Эпические риши (по данным «Махабхараты») // *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XX. *Indologica*. Сб. статей памяти Т.Я. Елизаренковой. Кн. I. М.: РГГУ, 2008. С. 329–351.
- Невелева 2008б — *Невелева С.Л.* Мудрец-сказитель в Махабхарате (к проблеме эпического текстосложения) // *Классическая филология и индоевропейское языкознание — IV* / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2008 (*Acta Linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. Т. IV, ч. 1). С. 277–294.
- Невелева 2010 — *Невелева С.Л.* «Моление о даре» (типология эпического гимна) // Махабхарата: Художественный язык древнеиндийского эпоса (Исследование). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 151–172.
- Невелева 2011 — *Невелева С.Л.* Древнеиндийская эпическая метафора (по данным «Махабхараты») // Зографский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 20–40.

- Невелева 2014 — *Невелева С.Л.* Природа в «Махабхарате» (типовой мотив-«описание») // Зографский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 60–76.
- Путилов 1975 — *Путилов Б.Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М.: Наука; ГРВЛ, 1975. С. 141–155.
- Путилов 1997 — *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство. М.: Наука; Восточная литература, 1997.
- Рамайна 2006 — Рамайна. Книга первая. Балаканда (Книга о детстве). Книга вторая Айодхьяканда (книга об Айодхье) / Изд. подгот. П.А. Гринцер. М.: Ладомир; Наука, 2006.
- Buitenen 1972 — *Buitenen J.A. van.* On the Structure of the Sabhāparvan in the Mahābhārata // Ensink J., Gaeffke P. (eds). *India Maior. Congratulatory Volume Presented to Jan Gonda.* Leiden: Brill, 1972. P. 68–84.
- Hiltebeitel 1976 — *Hiltebeitel A.* The Ritual of Battle. Krishna in the Mahābhārata. Ithaca; London: Cornell University Press, 1976.
- Pisani 1934 — *Pisani V.* The Rise of the Mahābhārata // A Volume of Eastern and Indian Studies. Present. to Prof. F.W. Thomas. London, 1934. P. 166–176.
- Vassilkov 1990 — *Vassilkov Ya.V.* Draupadī in the Assembly Hall, Gandharva-husbands and the Origin of the Gaṇikās // *Indologica Taurinensia.* 1989–1990. Vol. XV–XVI. Proceedings of the Seventh World Sanskrit Conference (Leiden, August 23–29, 1987). Torino, 1990. P. 387–398.
- Vassilkov 1995 — *Vassilkov Ya.V.* The Mahābhārata's Typological Definition Reconsidered // *Indo-Iranian Journal.* 1995. Vol. 38. No. 3. P. 249–255.
- Vassilkov 2001 — *Vassilkov Ya.* The Mahābhārata Similes and Their Significance for Comparative Epic Studies // *Rocznik orientalistyczny.* 2001. T. LIV. Z. 1. P. 13–31.
- Vassilkov 2002 — *Vassilkov Ya.* Indian Practice of Pilgrimage and the Growth of the Mahābhārata in the Light of New Epigraphical Sources // Stages and Transitions: Temporal and Historical Frameworks in Epic and Purāṇic Literature. Proceedings of the Second Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 1999). Zagreb, 2002. P. 133–158.
- Vassilkov 2009 — *Vassilkov Ya.* An Epithet in the Mahābhārata: mahābhāga // Parallels and Comparisons. Proceedings of the Fourth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas / Ed. by P. Koskikallio / Gen. editor M. Ježić. Zagreb, 2009. P. 107–119.

References

- Van Buitenen, Johannes A.B. “On the Structure of the Sabhāparvan in the Mahābhārata”. In: Ensink J., Gaeffke P. (eds). *India Maior. Congratulatory Volume Presented to Jan Gonda.* Leiden: Brill, 1972, pp. 68–84 (in English).
- Dandekar R.N. “Mahabharata: ee proiskhozhdenie i razvitie” [Mahābhārata: its genesis and evolution]. In: *Ot Ved k induizmu. Evoliutsioniruiushchaia mifologiya* [From the Vedas to Hinduism. Developing mythology]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002, pp. 172–194 (in Russian).
- Elizarenkova T.Ia. *Iazyk i stil' vediiskikh rishi* [The language and style of Vedic rishis]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1993 (in Russian).
- Elizarenkova T.Ia., Toporov V.N. “Drevneindiiskaia poetika i ee indoeuropeiskie istoki” [Ancient Indian poetics and its Indo-European origins]. In: *Literatura i kul'tura drevnei i srednevekovoi Indii* [The literature and culture of ancient and medieval India]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1979, pp. 36–88 (in Russian).
- Grintser P.A. *Drevneindiiskii epos. Genesis i tipologiya* [Ancient Indian epic. Genesis and typology]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1974 (in Russian).
- Grintser P.A. “Sanskritskaia obramlennaia povest” [Sanskrit framed short novel]. In: *Indiiskaia srednevekovaiia povestvovatel'naia proza* [Indian medieval narrative]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982, pp. 3–20 (in Russian).
- Grintser P.A. “Pervaia poema' drevnei Indii” [The first poem of ancient India]. In: *Ramayana. Kniga pervaiia. Balakanda* (“Kniga o detsve”). *Kniga vtoraiia. Ayodhyakanda* (“Kniga ob Ayodh'e”) 55

- [Ramayana. The 1st book. Childhood (Balakanda). The 2nd book. Ayodhya (Ayodhyakanda)]. Ed. by P.A. Grintser. Moscow: Lodomir; Nauka, 2006, pp. 691–731 (in Russian).
- Hiltebeitel, Alf. *The Ritual of Battle. Krishna in the Mahābhārata*. Cornell University Press, Ithaca; London, 1976 (in English).
- Lord A.B. *Skazitel'* [The singer of tales]. Per. s angl. i komm. Iu.A. Kleina i G.A. Levintona. Posleslovie B.N. Putilova [Transl. from English and comm. by Yu.A. Kleiner and G.A. Levinton]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1994 (in Russian).
- Mahābhārata. Kniga vtoraiia. Sabhāparva, ili Kniga o Sobranii* [Mahābhārata. The 2nd book. Assembly (Sabhāparva)]. Per. s sanskr. i komm. V.I. Kalianova [Transl. from Sanskrit and comm. by V.I. Kalyanov]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1962 (Literaturnye pamiatniki [Literary works]) (in Russian).
- Mahābhārata. Kniga tretia. Āraṇyakaparva (Lesnaia)* [Mahābhārata. The 3rd book. Forest (Āraṇyakaparva)]. Per. s sanskr., predisl., komm. i tolk. slovarei Ya.V. Vassilkova i S.L. Nevelevoi [Transl. from Sanskr., introd. and comm. by Vasilkov Ya.V. and Neveleva S.L.]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1987 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, LXXX [Literary works of the Orient]) (in Russian).
- Mahābhārata. Kniga vos'maia. Karṇaparva (O Karne)* [Mahābhārata. The 8th book. Karṇa (Karṇaparva)]. Per. s sanskr., predisl. i komm. Ia.V. Vassilkova i S.L. Nevelevoi [Transl. from Sanskrit, introd. and comm. by Vasilkov Ya.V. and Neveleva S.L.]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1990 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, XCI [Literary works of the Orient]) (in Russian).
- Mahābhārata. Zakliuchitel'nye knigi. XV–XVIII* [Mahābhārata. The last books XV–XVIII]. Per. s sanskr., komm. i stat'i. Izd. podg. S.L. Neveleva i Ia.V. Vassilkov [Transl. from Sanskrit, comm. and articles by Vasilkov Ya.V. and Neveleva S.L.]. St. Petersburg: Nauka, 2005 (Literaturnye pamiatniki [Literary works]) (in Russian).
- Meletinskii E.M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa* [The genesis of heroic epos]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 2004 (in Russian).
- Neveleva S.L. *Mifologiiia drevneindiiskogo eposa. Panteon* [The mythology of ancient Indian epos. Pantheon]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975 (in Russian).
- Neveleva S.L. *Voprosy poetiki drevneindiiskogo eposa. Epitet i sravnenie* [Problems of poetics of ancient Indian epos]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1979 (in Russian).
- Neveleva S.L. “Kontekstnye sviazi epicheskoi shloki” [Context ties of the epic shloka]. In: *Literatura i kul'tura drevnei i srednevekovoi Indii* [The literature and culture of ancient and medieval India]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1987, pp. 97–129 (in Russian).
- Neveleva S.L. “O kompozitsii drevneindiiskogo epicheskogo teksta v sviazi s arkhaiskimi obriadovymi predstavleniiami” [On the composition of the ancient Indian epos in connection with archaic ritual beliefs]. In: *Arkhaiskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamiatnikakh* [Archaic ritual in folkloric and early literary works]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1988, pp. 128–160 (in Russian).
- Neveleva S.L. *Mahabharata. Izuchenie drevneindiiskogo eposa* [Mahābhārata. Study of ancient Indian epos]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991 (in Russian).
- Neveleva S.L. “Mudrets-skazitel v Mahabharate (k probleme epicheskogo tekstoslozheniia)” [Sage singer of tales in Mahābhārata (On the problem of epic text composition)]. In: *Klassicheskaia fillogiia i indoeuropeiskoe iazykoznanie* [Classical philology and Indo-European linguistics], IV. Ed. by N. N. Kazansky. St. Petersburg: Nauka, 2008, pp. 277–294 (Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. T. IV, ch. 1) (in Russian).
- Neveleva S.L. “Epicheskie rishi (po dannym ‘Mahabharaty’)” [Epic Ṛṣis (according to Mahābhārata)]. *Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti, XX. Indologica. Sbornik statei pamiatii T.Ia. Elizarenkovoii*. kn. I [Orientalia et Classica. Proceedings of the Institute of oriental cultures and antiquity, XX. Indologica. Collection of articles in memory of T.Ia. Elizarenkova, book I]. M.: RGGU, 2008, pp. 329–351 (in Russian).

- Neveleva S.L. “Molenie o dare (tipologii epicheskogo gimna)” [Praying for gift (typology of epic hymn)]. In: *Mahabharata: Khudozhestvennyi iazyk drevneindiiskogo eposa (Issledovanie)* [Mahābhārata. Literary language of ancient Indian epic (Research work)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2010, pp. 151–172 (in Russian).
- Neveleva S.L. “Drevneindiiskaia epicheskaia metafora (po dannym ‘Mahabharaty’)” [The ancient Indian epic metaphor (according to Mahābhārata)]. *Zografskii sbornik*, vyp. 2 [Proceedings of the Zograph readings, issue 2]. Ed. by Ya.V. Vassilkov. St. Petersburg: MAE RAN, 2011, pp. 20–40 (in Russian).
- Neveleva S.L. “Priroda v ‘Mahabharate’ (tipovoi motiv-‘opisanie’)” [Nature in the Mahābhārata (typical motive-description)]. *Zografskii sbornik*, vyp. 4 [Proceedings of the Zograph readings, issue 4]. Ed. by M.F. Albedil, Ya.V. Vassilkov. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, pp. 60–76 (in Russian).
- Pisani, Vittore. “The Rise of the Mahābhārata”. In: *A Volume of Eastern and Indian Studies. Present. to prof. F.W. Thomas*. London, 1934, pp. 166–176 (in English).
- Putilov B.N. “Motiv kak siuzhetoobrazuiushchii element” [Motive as a constitutive part]. In: *Tipologicheskie issledovaniia po fol’kloru*. Sb. statei pamiati V.Ia. Proppa [Typological papers on folklore. Collection of articles in memory of V.Ya. Propp]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975, pp. 141–155 (in Russian).
- Putilov B.N. *Epicheskoe skazitel’stvo*. [Epic chanting]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1997 (in Russian).
- Ramayana. Kniga pervaiia. Balakanda (Kniga o detstve). Kniga vtoraiia Aiodkh’iakanda (kniga ob Aiodkh’e)* [Ramayana. The 1st book. Childhood (Balakanda). The 2nd book. Ayodhya (Ayodhyakanda)]. Ed. by P.A. Grintser. Moscow: Ladomir; Nauka, 2006 (in Russian).
- Vassilkov Ya.V. “Draupadī in the Assembly Hall, Gandharva-husbands and the Origin of the Gaṇikās”. *Indologica Taurinensia*, XV–XVI, 1989–1990. Proceedings of the Seventh World Sanskrit Conference (Leiden, August 23–29, 1987). Torino, 1990, pp. 387–398 (in English).
- Vassilkov Ya.V. “The Mahābhārata’s typological definition reconsidered”. *Indo-Iranian Journal*, 1995, July, 38, no. 3, pp. 249–255 (in English).
- Vassilkov, Yaroslav. “The Mahābhārata similes and their significance for comparative Epic studies”. *Rocznik orientalistyczny*, 2001, T. LIV. Z. 1, pp. 13–31 (in English).
- Vassilkov, Yaroslav. “Indian practice of pilgrimage and the growth of the Mahābhārata in the light of new epigraphical sources”. *Stages and Transitions: Temporal and historical frameworks in epic and purāṇic literature*. Proceedings of the Second Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 1999). Zagreb, 2002, pp. 133–158 (in English).
- Vassilkov, Yaroslav. “An Epithet in the Mahābhārata: mahābhāga”. In: *Parallels and Comparisons*. Proceedings of the Fourth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas. Ed. by P. Koskikallio. Gen. editor M. Ježić. Zagreb, 2009, pp. 107–119 (in English).
- Vassilkov Ya.V. *Mif, ritual i istoriia v Mahabharate* [Myth, ritual and history in the Mahābhārata]. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2010 (in Russian).
- Vassilkov Ya.V. “‘Mahabharata’ i indiiskaia praktika palomnichestva v svete novykh epigraficheskikh dannykh” [The Mahābhārata and Indian pilgrimage in relation to new epigraphical data]. *Zografskii sbornik*, vyp. 2 [Proceedings of the Zograph readings, issue 2]. Ed. by Ya.V. Vassilkov. St. Petersburg: MAE RAN, 2011, pp. 157–197.
- Vassilkov Ya.V., Neveleva S.L. “Ranniaia istoriia epicheskogo sravneniia (na materiale VIII knigi ‘Mahabharaty’)” [Early history of epic comparison (a case study of the VIIIth book of ‘Mahābhārata’)]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki literatur Vostoka* [Problems of historical poetics of the literatures of the Orient]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1988, pp. 152–175 (in Russian).
- Zhirmunskii V.M. *Narodnyi geroicheskii epos* [The folk heroic epos]. Moscow; Leningrad, 1962 (in Russian).

About the Poetics of the Ancient Indian Epic *Mahābhārata*

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, volume 13, no. 3, pp. 44–58)

Received 04.04.2016.

Svetlana L. Neveleva

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The composition and figurative devices of the epic, which form its artistic language, contain a number of different peculiarities. Due to its long existence in oral tradition, the *Mahābhārata* incorporated many ancient myths, legends, stories. Thanks to these inclusions, the course of the epic narrative is interrupted by various temporal “hooks” and “craters” that refer us to the past. The content of the image creation devices — mostly formulaic epithets, similes and metaphors — as well as the content of the epic as a whole, is multi-layered. It carries the archaic, classical-heroic, religious and philosophical ideas. The destruction of the formulas and the appearance in the *Mahābhārata* of the so-called *synthetic* comparison (or the metaphor) attest to the impact of literary style on the epic.

Key words: the *Mahābhārata*, dharma, plot, composition, style, comparison, epithet, metaphor.

About the author:

Svetlana L. Neveleva, Dr. Sci. (Philology), IOM RAS, Prof. Emeritus (s.neveleva@gmail.com).